

О т д ѣ л ъ П.

Критика.

Лѣтописное повѣствованіе св. Теофана Исповѣдника. Изслѣдованіе въ области византійской историографіи П. Г. Преображенскаго. Вѣна 1912.

Автору предстояло для разработки избранной темы изучать рукописные тексты—и въ этомъ главная его сила,—и между прочимъ cod. Parisinus 1712, который и послужилъ для него основаніемъ для заключеній въ представленной работѣ. Самый предметъ, изученію котораго посвятилъ себя авторъ, лѣтопись Теофана, по многимъ причинамъ не можетъ не привлекать къ себѣ научныхъ симпатій со стороны византиниста. Лѣтописецъ Теофанъ—это весьма значительная величина въ исторіи византійской литературы и церковной письменности. и къ оцѣнкѣ его можно подходить съ разныхъ сторонъ. Изъ предисловія можно видѣть, что къ задачѣ изслѣдовать лѣтопись Теофана авторъ былъ приведенъ своей письменной работой въ духовной академіи: вѣкъ иконоборцевъ въ византійской хронографіи. Его бывшій руководитель, профессоръ Болотовъ, посоветовалъ ему нѣсколько расширить первоначальную тему и дать ей такую постановку: Кедринъ, какъ первоисточникъ для византійской и церковной исторіи. При этомъ въ письмѣ къ автору, изъ котораго въ томъ же предисловіи приведено нѣсколько мѣстъ, покойный ученый, къ общему горю весьма рано похищенный смертью, далъ практическія указанія для обработки темы, подсказавъ ему и возможный результатъ, имѣющій получиться отъ предпринятой работы ¹⁾.

Хотя cod. Paris. 1712 прямо не былъ указанъ проф. Болотовымъ, но авторъ началъ съ его изученія въ той мысли, что на этой рукописи всего легче усвоить принятый у Кедрина методъ пользованія

¹⁾ Предисловіе, IV. Такая тема обязываетъ прежде всего опустошить Кедрина по Теофану, а потомъ—въ случаѣ варіацій—попытаться зачеркнуть ихъ, прискавъ для нихъ первоисточникъ, и наконецъ выписать текстуально то *carit mortuum*, которое остается послѣ этихъ операций, и высказать мнѣніе о возможномъ источникѣ этого остатка.

своими источниками. Это привело о. Преображенскаго къ перемѣщенію центра тяжести всего изслѣдованія, причемъ тема получала болѣе тѣсную постановку — выясненіе первоначальнаго текста лѣтописи Теофана, какъ источника Кедрина.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысль объ изученіи рукописнаго матеріала для составленія надлежащихъ заключеній о состояніи извѣстныхъ въ печатныхъ изданіяхъ византійскихъ текстовъ—вполнѣ отвѣчаетъ выставленнымъ нынѣ научнымъ требованіямъ. Но, какъ видимъ на примѣрѣ настоящаго изслѣдованія, этимъ еще не обезпечивается ожидаемый отъ изученія рукописныхъ текстовъ успѣхъ. Если и не стремиться къ «широтѣ» взглядовъ, то все же необходимо ставить себѣ опредѣленную цѣль и намѣтить продуманный планъ даже въ собираніи *lectiones variantes*, или разночтеній, иначе будетъ трудно разобратъ въ матеріалѣ разночтеній, выражающихъ въ сущности одну и ту же мысль, но въ разныхъ формахъ реченій и въ неодинаковой послѣдовательности словъ.

Авторъ, имѣя правильную точку отправленія и преслѣдуя опредѣленную и точно установленную цѣль, не имѣлъ на своемъ пути надлежащихъ вѣхъ, по которымъ бы могъ направлять свой путь, и попалъ на ложную дорогу, которая не привела его къ предполагаемой имъ цѣли. Будучи постоянно въ общеніи съ хорошими матеріалами, авторъ не возвысился до того, чтобы овладѣть ими и расположить ихъ въ систему, а, напротивъ, самъ подчинился новой фикціи, овладѣвшей имъ въ продолженіе работы, и построилъ теорію, которой вполнѣ подчинился. Говоря кратко, о. Преображенскій представилъ сочиненіе въ защиту оригинальной и поразительной теоріи, что въ сущности мы не владѣемъ дѣйствительной лѣтописью Теофана въ существующемъ изданіи Де Боора, такъ какъ всѣ наши рукописи содержатъ переработанный и снабженный вставками текстъ эпохи Константина VII или еще позднѣйшей; что оригинальная лѣтопись Теофана всего лучше, хотя и не вполнѣ удовлетворительно, представлена въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библиотекаря. Главной опорой автора служитъ мысль, что древнѣйшей и лучшей рукописью Теофана нужно признать *cod. gr. Paris. 1710*, которому Де Бооръ придалъ-де совершенно не то значеніе, равно *cod. gr. Paris. 1712*, совсѣмъ опущенный изъ вниманія упомянутымъ нѣмецкимъ издателемъ Теофана. Сдѣланныя на основаніи изученія упомянутыхъ рукописей заключенія привели автора къ теоріи о двухъ Теофанахъ: *Θεοφάνης* и *Theophanes*. Подъ первымъ подразумѣвается идеальный первичный текстъ, подъ вторымъ — переработанный текстъ сохранившихся рукописей.

Хотя избранный авторомъ путь кропотливаго подбора мѣстъ и текстовъ, яко бы доказывающихъ переработку и интерполяцію, далеко не можетъ быть одобренъ, такъ какъ внушенъ предвзятой мыслью, но намъ представляется неизбѣжнымъ войти здѣсь въ нѣкоторыя

подробности, чтобы показать на нѣсколькихъ примѣрахъ ошибочность принятаго о. Преображенскимъ метода. Находя, что во многихъ случаяхъ указанные имъ мѣста рукописей не могутъ быть объяснены изъ латинскаго перевода Анастасія, онъ пришелъ къ выводу, что подобныя отличія должны быть отнесены на счетъ первичнаго источника, какимъ пользовался Теофанъ, и такимъ образомъ уничтожилъ индивидуальное значеніе его лѣтописи.

Основные положенія поставлены у автора во II главѣ, которая и обозначена терминами Θεοφάνης и Theophanes. «Мы сознаемъ, заявляетъ авторъ, всю отвѣтственность за поставленный нами тезисъ, колеблющій устои доселѣшнихъ работъ по изученію текста Теофана и по классификаціи греческихъ списковъ его лѣтописи. Если въ научномъ изслѣдованіи о византійской хронографіи прочно укрѣпилось мнѣніе, что лѣтопись Теофана не потерпѣла отъ сотрудничества позднѣйшихъ справщиковъ и дошла до насъ въ неизмѣнномъ видѣ первичнаго текста, то мы опровергаемъ эту мысль въ самомъ существѣ утвержденіемъ, что среди греческихъ списковъ хроники не сохранилось ни одного, который стоялъ бы внѣ вліянія редакторской корректуры и переработки изъ времени позднѣйшаго».

Приведенная выдержка чуть ли не самое ясное по языку мѣсто во всей книгѣ. Вслѣдъ за симъ читаются слова, которыя требуютъ уже комментарія: «Исходный пунктъ и историческая точка опоры для нашей мысли о развитіи лѣтописнаго повѣтствованія Теофана съ позднѣйшимъ приложеніемъ труда по усовершенствованію подлинной работы историографа—латинскій переводъ хроники, сдѣланный черезъ короткій промежутокъ времени по выходѣ въ свѣтъ оригинала». Это должно обозначать, что латинскій переводъ Анастасія служитъ исходнымъ пунктомъ и исторической точкой опоры для мысли о развитіи лѣтописнаго повѣтствованія Теофана, равно какъ о позднѣйшей переработкѣ подлинной работы его. Исходя изъ точнаго факта, что со времени латинскаго перевода Анастасія до даты древнѣйшей, сохранившейся до насъ, греческой рукописи Теофана (cod. gr. Paris. 1710 отъ X в.) прошло около ста лѣтъ, авторъ указываетъ, что на это время относится оживленіе историографической дѣятельности, что обиліе новаго историческаго матеріала, вызвавъ на свѣтъ появленіе сборниковъ съ извлеченіями изъ древнихъ писателей, могло отразиться (!) распространеніемъ и тѣхъ историческихъ произведеній, которыя въ видѣ лѣтописей явились ранѣе. Именно, по его словамъ, лѣтопись допускаетъ свободное распространеніе первоначальнаго состава содержанія трудно уловимой припиской новыхъ историческихъ свѣдѣній.

Хотя мы не можемъ послѣдовать за авторомъ и не думаемъ, чтобы въ X в. была такая повышенная литературная работа, о какой онъ говоритъ, но это не можетъ служить предметомъ спора; важнѣй

далѣе рисуемая въ его воображеніи картина. Онъ именно предполагаетъ, что мыслимо такое явленіе: въ X в. нѣкто, опытный редакторъ, предпринялъ по канвѣ Теофана выписать полностью его источники и поставилъ имя Теофана во главѣ своего произведенія. Теперь можно вообразить, въ какомъ бы положеніи оказались тѣ писатели, которые, пользуясь лѣтописью Теофана и не стѣсняясь, вносили отъ себя нѣкоторыя прибавки на основаніи источниковъ Теофана, по сравненію съ полнымъ текстомъ заново редактированнаго Теофана!— Намъ кажется, что авторъ именно здѣсь избралъ искусственный методъ. Откуда онъ вообразилъ такое обиліе источниковъ Теофана и какъ могли образоваться тѣ литературные изводы въ лѣтописи, о которыхъ онъ мечтаетъ? И въ сущности, если посмотрѣть на заключеніе, то оно далеко не соотвѣтствуетъ посылкамъ. «Руководящимъ началомъ изысканій въ области текста Теофана для пишущаго эти строки служитъ убѣжденіе (ну, да, убѣжденіе, ни на чемъ не основанное!), что въ виду оживленной, начиная со второй половины X столѣтія, дѣятельности византійца по редактированію чужихъ произведеній, слѣдуетъ съ самой строгой критической провѣркой относиться къ составу содержанія лѣтописныхъ памятниковъ IX вѣка».—Но слѣдуетъ замѣтить, что въ X в. скорѣй отмѣчается археологическая или архивная дѣятельность, извлекаются древніе памятники, но никакъ не лѣтопись IX в., которая была еще свѣжа и по которой редакторы X в. не могли сдѣлать тѣхъ пестрыхъ узоровъ, да еще на основаніи тѣхъ же источниковъ, что были доступны Теофану, о которыхъ воображаетъ о. Преображенскій.

Автору предстояла весьма кропотливая работа сличенія изданныхъ текстовъ съ рукописными. Процессъ этой тщательно исполненной работы наблюдается во многихъ мѣстахъ книги, гдѣ иногда нѣсколько страницъ подъ рядъ занято сличеніемъ текстовъ. Можно бы, конечно, пожелать, чтобы въ печати появлялся результатъ работы, а не самый процессъ изысканій и справокъ, иначе сочиненіе можетъ остаться трудно доступнымъ для обыкновеннаго читателя; но не въ этомъ главная ошибка о. Преображенскаго, которую раздѣляютъ съ нимъ многіе особенно русскіе писатели. Нужно въ особенности пожалѣть о томъ, что обиліе показанныхъ имъ выписокъ и сопоставленій не достигаетъ цѣли, потому что сдѣлано безъ нужды и безъ надлежащей мѣры. Чѣмъ руководился авторъ и на какой конецъ дѣлалъ выписки, объ этомъ трудно догадываться, такъ какъ о немъ можно сказать, что онъ говоритъ не для того, чтобы раскрыть мысль, а скорѣй съ цѣлью спутать читателя. Не угодно ли раскрыть хотя бы смыслъ слѣдующихъ словъ (стр. 25): «Въ соотвѣтствіи съ документированными у насъ выше сужденіями о взаимоотношеніи P¹ и P² (это, прибавимъ отъ себя, cod. gr. Paris. 1710 и 1712) въ предѣлахъ работы автора той и другой хроники по тексту Теофана критерій для

утвержденія преимущественной древности состава Р¹ опредѣляли отношенія въ отдѣлахъ повѣствованія, кои по содержанію восходятъ къ Теофану». Странный наборъ умныхъ словъ, въ которыхъ мы съ трудомъ разбираемся. Какими, однако, данными подкрѣплена основная мысль, что Теофанъ не сохранился, а есть только интерполированный и переработанный писатель этого имени? Процессъ сопоставленія текстовъ проходитъ во второй и третьей главахъ. Въ первой проведены сопоставленія повѣствовательнаго характера, во второй вниманіе сосредоточивается на хронологическомъ методѣ у первоначальнаго Теофана и его распространителей. Чгобы не осложнить дѣла ссылками на тексты лишній разъ, ограничимся общими указаніями на то, что напрасно нашъ авторъ, не принявъ главныхъ заключеній Де Боора, уклонился отъ его осторожнаго и несомнѣнно болѣе вѣрнаго метода, чѣмъ тотъ, который увлекъ его на путь неожиданныхъ перспективъ и смѣлыхъ открытій.

Лѣтописецъ Теофанъ не представляетъ, конечно, исключительнаго явленія въ византійской исторіографіи. Онъ испытывалъ ту же судьбу, что его собратья по перу. Конечно, его переписывали больше, чѣмъ другихъ, и по обычаю, такъ многократно отмѣченному разными изслѣдователями, вносили нѣкоторыя незначительныя примѣчанія и размышленія; его въ особенности много читали и объясняли, на поляхъ, двумя-тремя словами. Поэтому давно уже византинистами было замѣчено, что рукописи многихъ и въ особенности популярныхъ писателей дошли до насъ съ разнообразными измѣненіями въ словахъ, а также съ дополненіями и распространеніями частью во всемъ составѣ, частью только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Съ подобными прививками и наростами въ первоначальномъ текстѣ, которые имѣютъ, можетъ быть, больше литературное и филологическое, чѣмъ историческое значеніе, нельзя не считаться при изученіи историческихъ писателей хотя бы для того, чтобы установить, что въ изданныхъ текстахъ не все имѣетъ одинаковую важность и не все принадлежитъ одному и тому же времени и лицу. Очень большой критическій аппаратъ въ этомъ отношеніи собранъ по отношенію къ писателямъ Крестовыхъ походовъ въ сборникѣ французской академіи: *Recueil des Historiens des Croisades publié par les soins de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Historiens Grecs.*—Какія требованія предъявляются вслѣдствіе этого къ изученію византійской лѣтописи, объ этомъ по отношенію къ рукописному преданію Никиты Акомината было нами говорено въ Журн. Мин. Нар. Просв., ноябрь 1877 г., стр. 65, и въ Запискахъ Имп. Новоросс. У-та, т. XXII (1877). Ближе къ занимающему насъ здѣсь вопросу стоитъ то, что мы наблюдали въ свое время по отношенію къ Охридской рукописи Іоанна Куропалата Скилицы (Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, т. IV, вып. 2). Какъ извѣстно, названный сейчасъ писатель, извѣстный лишь въ латин-

скомъ переводѣ, цѣликомъ воспроизведенъ въ исторіи Кедрина, т. е. усвоенъ послѣднимъ какъ собственное произведеніе. Ясное дѣло, что сопоставленіе оригинальнаго текста лѣтописи Скилицы, сохранившагося въ нѣсколькихъ рукописяхъ, съ компиляціей, представленной Кедринимъ, составляетъ въ высшей степени поучительную задачу, которая тѣмъ болѣе умѣстна для выясненія разсматриваемаго у о. Преображенскаго вопроса, что Кедринъ использовалъ также и Теофана. Такъ какъ мы имѣемъ въ Охридской рукописи прекрасный списокъ XI в., то наблюденіе надъ нимъ и воспроизведеннымъ у Кедрина текстомъ можетъ давать матеріалъ и къ разрѣшенію проблемы, которая стояла передъ о. Преображенскимъ. Независимо отъ всего прочаго, первыя страницы Скилицы представляютъ исторіографическій интересъ, и одно мѣсто въ особенности отличается капитальнымъ значеніемъ въ исторіи византійской литературы. Но это мѣсто¹⁾ сильно говоритъ противъ мысли нашего автора о томъ, что въ X в. было такъ много охотниковъ писать хронику и портить лѣтопись Теофана. Іоаннъ Куропалатъ Скилица называетъ даже нѣсколько именъ писателей, но это или составители мемуаровъ, или жизнеописатели патріарховъ и царей, и притомъ каждый руководился въ своемъ трудѣ какой-нибудь субъективной задачей, далеко отличающейся отъ широкихъ цѣлей Георгія и Теофана. Отмѣченные нами (Извѣстія, т. IV, стр. 4—7) разночтенія въ рукописи и текстѣ Кедрина, не измѣняя смысла историческаго повѣствованія, не могутъ считаться настолько важными, чтобы вызвать потребность переизданія текста Скилицы. Наиболѣе важными особенностями нужно признать нѣкоторыя дополненія географическаго и археологическаго характера, показывающія, что писецъ Охридской рукописи внесъ въ текстъ небольшія прибавки, касающіяся исторіи и географіи Балканскаго полуострова, которыми, однако, нисколько не нарушенъ первоначальный составъ произведенія Скилицы. Принимая во вниманіе вышесказанное, мы бы считали справедливымъ примѣнить и къ Теофану полученныя уже ранѣе наблюденія по отношенію къ эволюціи византійской лѣтописи, а не прибѣгать къ разрушительному методу, воспринятому о. Преображенскимъ.

Переходимъ къ главѣ 3-й, разсматривающей хронологическія показанія въ рукописяхъ Теофана и въ изданномъ текстѣ. Существенный интересъ представляютъ здѣсь сопоставленія мѣстъ главнѣйше съ датами отъ сотворенія міра, отдѣльныхъ царствованій и индиктовъ. Но намъ представляются слишкомъ произвольными заключенія автора изъ подобныхъ сравненій, когда ему приходится переводить рѣчь на градаціи редакціонной обработки подлиннаго текста Теофана

¹⁾ Μετὰ δὲ τούτων (т. е. послѣ Теофана) οὐδεὶς ἄλλος ἐπέδωκεν ἐκτὸν τῷ τοιοῦτῳ σπουδασματι ἐπεχειρήσαν μὲν γὰρ τινες—ἀλλὰ παρέργως ἠψάμενοι τοῦ ἔργου τῆς τε ἀκριβοῦς ἀποπεπτώχαι.

(стр. 68). Въ самомъ дѣлѣ, въ приведенныхъ на той же страницѣ яко бы разночтеніяхъ никакъ нельзя усматривать разности редакціи, и тѣмъ меньше говорить о градаціяхъ обработки подлиннаго текста Теофана. У читателя не получается убѣжденія, что прибавка οὕτω въ рассказѣ о происхожденіи «Трисвятого» имѣеть то значеніе, какое съ натяжкой придаетъ ей авторъ: «Когда Теофанъ передаетъ о предписаніи *κατὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην τὸν θεῖον τοῦτον οὕτω ψάλλεσθαι ὕμνον* (Cedr. p. 599), то (!) въ словѣ οὕτω заключается, по нашему разумѣнію, цѣнное указаніе на личное отношеніе св. Теофана къ записываемому имъ преданію».

Въ этой главѣ автору слѣдовало рассмотретьъ запутанный вопросъ о хронологіи у Теофана. На обычномъ ему темномъ и вычурномъ языкѣ авторъ приступаетъ (стр. 75 и слѣд.) къ своему предмету въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ достаточной мѣрѣ извѣстно, сколь не легко найти руководящую норму въ соотношеніи данныхъ хронологическаго канона Theophanis Chronographiæ съ указаніями внутри текста на индиктъ. Если допустить, что Theophanes провелъ подлинникъ черезъ искусъ хронологическихъ теорій и интерпретаціи первоначальныхъ цифръ со стороны позднѣйшихъ хронистовъ и справщиковъ текста, то будетъ понятна наличность удивительной подчасъ запутанности въ хронологіи Theophanes'a».

Хронологическая тема разрабатывается у о. Преображенскаго такъ же произвольно и безъ соблюденія однороднаго метода, какъ и тема историко-литературная. Масса приведенныхъ имъ цитатъ изъ греческихъ писателей и сопоставленія текстовъ не даетъ тѣхъ заключеній, ради которыхъ онѣ выставлены. Обширная литература предмета, постоянно возрастающая въ послѣдніе годы (Византійскій Временникъ, XVIII, изслѣдованіе свящ. Лебедева; Byzantin. Zeitschrift, XXII, статья г. Serruys, Les canons d'Eusèbe; Real-Encyclopaedie für Protest. Theologie, XXI, S. 915), придаетъ хронологической темѣ въ Византійской лѣтописи совершенно особенное значеніе. Уже извѣстный ученый Brooks въ небольшой рецензіи на книгу о. Преображенскаго, помѣщенной въ Byz. Zeitschrift, XXII, S. 154—155, указалъ неправильность его методическаго приѣма въ этомъ отношеніи. То положеніе автора, что годъ Теофана начинается не 1 сентября, а 21 марта, и что этимъ объясняется несоотвѣтствіе между индиктами и годами мірозданія въ VII и VIII в., конечно, не можетъ быть доказано, какъ не могутъ быть оправданы и слишкомъ искусственныя попытки толкованія текстовъ (стр. 178). Едва ли не самымъ рискованнымъ слѣдуетъ признать истолкованіе мѣста Малалы и Пасх. Хроники о сновидѣній Анастасія, гдѣ авторъ претендуетъ ΙΔ' понимать не въ смыслѣ 14, а въ смыслѣ Ἰσίδεος Δεσπότης.

Хотя авторъ приложилъ много увлеченія и любви къ разработкѣ изслѣданной имъ темы, но полученные имъ результаты далеко не воз-

награждаютъ за трудъ. Причинъ на это много. Главной причиною служить трудный и искусственный языкъ, совершенно затемняющій смыслъ рѣчи. Вслѣдствіе этого коренного и общаго недостатка иногда трудно сдѣлать заключеніе о цѣли, къ какой стремился авторъ, и о якобы достигаемыхъ имъ выводахъ. Попросимъ взглянуть въ заключительную часть (стр. 261), гдѣ авторъ хочетъ ознакомить читателя съ содержаніемъ другого своего произведенія, которое еще остается въ рукописи. Этотъ недостатокъ даетъ противъ себя оружіе и съ точки зрѣнія научной техники. У автора недостатокъ метода, слѣдствіемъ чего являются необоснованныя заключенія и наборъ текстовъ и цитатъ, которыми пытливый читатель далеко не можетъ удовлетвориться. Наконецъ, о. Преображенскій не позаботился о предварительной обработкѣ нивы, на которой сталъ сѣять. Слѣдовало бы съ большей любовью отнестись къ литературѣ и не такъ высококомѣрно трактовать основныя сочиненія, необходимыя для его темы.

Мы не можемъ, однако, не отнестись съ похвалою къ прекрасному намѣренію автора принять участіе въ разработкѣ научной темы, которая требуетъ изученія рукописей, находящихся въ заграничныхъ библіотекахъ. Можетъ быть, часть методическихъ промаховъ въ сочиненіи должна быть объясняема, именно, тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ жилъ за границей и лишенъ былъ общенія со своими академическими руководителями.

Ө. Успенскій.